

⁵⁸ Там же, д. 32, л. 31.

⁵⁹ Там же, ф. 97, оп. 1, д. 76, л. 7.

⁶⁰ См.: *Перехов Я.А.* Власть и казачество: поиск согласия. Ростов н/Д., 1997. С. 92–96; *Скорик А.П., Тикиджьян Р.Г.* Донцы в 1920-х годах: очерки истории. Ростов н/Д., 2010. С. 116–121.

⁶¹ ЦДНИ РО, ф. 5, оп. 1, д. 32, л. 31.

⁶² Там же, л. 34.

⁶³ Там же, л. 27.

⁶⁴ *Венер М.* Указ соч. С. 100.

⁶⁵ *Скорик А.П., Тикиджьян Р.Г.* Указ. соч. С. 202.

⁶⁶ ЦДНИ РО, ф. 75, оп. 1, д. 109, л. 7.

⁶⁷ Там же, ф. 110, оп. 1, д. 26, л. 19 об.

⁶⁸ Государственный архив новейшей истории Ставропольского края, ф. 5938, оп. 1, д. 35, л. 4.

⁶⁹ *Романовский Н.В.* Люди Сталина: этюд к коллективному портрету // Отечественная история. 2000. № 4. С. 65.

© 2011 г. А. П. ШЕКШЕЕВ *

«ЧЕРНЫЕ ПАРТИЗАНЫ» ЭПИЗОД КРЕСТЬЯНСКОГО СОПРОТИВЛЕНИЯ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ

На государственную политику преодоления хлебных кризисов, коллективизации и раскулачивания сибирские крестьяне реагировали по-разному, случалось и в форме вооруженного протеста. Многие из таких выступлений, произошедших на территории Приенисейской Сибири, в научной литературе лишь кратко упоминаются и до сих пор интерпретируются как всплеск «классовой борьбы кулаков» против советской власти¹. Одному из них, названном, согласно чекистской легенде, «бандитской» деятельностью «черных партизан», с целью установления исторической справедливости и углубления познаний об этом явлении в целом и посвящена данная статья.

Согласно милицейским сводкам, летом 1930 г. на территории Каратузского и Ермаковского районов Минусинского округа Сибирского края (современного юга Красноярского края) вспыхнули и были подавлены обособленные, не связанные между собой крестьянские восстания². Однако чекисты, расследуя эти события и базируясь в основном на документах, связанных с личностью и деятельностью некоего Н.Г. Заплавского, сочли их единым выступлением, направленным против советской власти. Судя по материалам этого дела, Заплавский окончил Бакинское мореходное училище и стал капитаном на коммерческом судне Каспийского пароходства. Лишившись после революции избирательных прав, он перебрался в Сибирь и якобы создал здесь контрреволюционную организацию «Союз спасения Родины», куда вошли боевики, названные с целью получить союзника в лице бывших красных партизан, еще представлявших в сибирском селе политическую силу, «черными партизанами». Цель деятельности «Союза» заключалась в ликвидации коммунистического режима, образовании крестьянской республики с земствами, парламентом и президентом. Заплавский, пользуясь авторитетом среди крестьян, будто бы снабжал их инструкциями по организации комитетов, вербовке новых членов и листовками³.

* **Шекшеев Александр Петрович**, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Гуманитарного научно-исследовательского института Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова.

На допросах в ОГПУ его жена, учительница В.А. Заплавская, рассказала о том, что в Минусинский уезд их семья переехала из-за ее болезни. Но здесь Заплавский, не скрывавший своих анархистско-коммунистических взглядов, не смог получить достойную работу у местных властей. Лишь в октябре 1929 г. супруги, занимаясь подсобными промыслами и накопив достаточно средств, приобрели заимку с собственным хозяйством. Между тем показания Заплавской в корне подрывали выводы чекистского обвинительного заключения. Они свидетельствовали о том, что ее муж, создав «контрреволюционную организацию», был противником крестьянского выступления. Более того, Заплавский, по словам его супруги, не только не принял участия в нем, но и пытался предупредить об опасности коммунистов и уговаривал повстанцев разойтись по домам⁴. Вероятно, узнать кем был в действительности этот человек – секретным сотрудником ОГПУ, чья деятельность спровоцировала активные действия крестьян, одним из романтиков революции, а может быть, просто личностью, способной к сопереживанию или обладающей мессианскими наклонностями, – нам уже не удастся. Но беседы Заплавского с крестьянами по актуальным вопросам деревенской жизни, оказавшие на них идеологическое воздействие, позволили власти обвинить последних в антисоветизме и тем самым скрыть истинные причины их волнений.

Как и в других местностях, крестьянский саботаж в Приенисейской Сибири вследствие экономической слабости государства сопровождал все налоговые и хлебозаготовительные кампании 1920-х гг. Наблюдавшийся в конце этого десятилетия всплеск сопротивления крестьян был спровоцирован государственной политикой чрезвычайных хлебозаготовок и налоговых изъятий. В результате ее осуществления население подтаежных селений, отвоёвывавшее у тайги землю для посевов, во избежание голода было вынуждено закупать хлеб. Между Каратузом и районной периферией постоянно курсировали хлебные обозы, состоявшие из нескольких десятков подвод. Естественно, что крестьяне сопротивлялись сбору налога, который обрекал их хозяйства на разорение. Уже в налоговую кампанию 1928 г. власти получали хлеб, используя административно-судебные рычаги. Большинство партийцев были готовы к силовому воздействию на крестьянство. На совещании уполномоченных по хлебозаготовкам, которое 1 января 1929 г. провел Каратузский райисполком (РИК), они требовали административного нажима на крестьян и применения к саботажникам 107-й ст. УК РСФСР. Здесь же на 23 апреля того же года были составлены соответствующие описи и намечена продажа имущества 12 хозяйств⁵.

Антикулацкие настроения местных коммунистов проявлялись также во время пере выборов сельсоветов 1928/29 г., когда Каратузский и Ермаковский райизбиркомы несправедливо лишили избирательных прав 78 крестьян. Позднее здесь за «извращение классовой линии», с одной стороны, и за бездеятельность, с другой, – были отданы под суд 20 председателей сельсоветов⁶. Крестьянство отрицательно отнеслось к попыткам властей передать советы в руки своих сторонников. Так, в одной из деревень жители отвергли даже единственную кандидатуру коммуниста, выдвинутую в избирком, в другой – беднота, мотивируя свое решение тем, что у нее нет времени работать в сельсовете, не выставила своих кандидатов, а в третьей – население было готово заменить прежний состав сельсовета, действующий вразрез с его интересами⁷.

Отношение деревни к взиманию налога в 1929 г. сначала было выжидательным. Но вскоре деятельность комиссий по выявлению объектов обложения свелась к «поискам кулака» и вызвала раздражение даже у части сельских коммунистов. В ряде сел Каратузского района созданные комиссии перешли на сторону кулаков и тем самым сорвали учетную кампанию. Коммунистические ячейки в 6 селениях вообще заявили об отсутствии у них «кулаков», а в одной из деревень крестьяне трижды проваливали принятие плана хлебозаготовок. Самообложение, которое крестьяне считали вторым налогом, так и не было принято в 5 селениях Каратузского района. Тогда уполномоченные, накладывая «твердые» задания на середняков и бедняков, заставляли деревни сдавать хлеб в кратчайшие сроки. Этот нажим вызвал появление в одной из деревень

возвращения с призывом «бить коммунистов и свергать советскую власть», в других же – изъятие хлеба сопровождалось угрозами в адрес сельсоветов⁸.

Власти пытались выполнить налоговые задания, усиливая нажим на непосредственных исполнителей. За слабую работу по выявлению кулаков был снят с должности председатель Каратузского РИКа. Руководству Каратузского и Ермаковского районов указали завершить это выявление к новому сроку и в срочном порядке. Но сопротивление крестьянства было сломлено лишь в октябре 1929 г., когда, например, в Каратузском районе пятикратно обложили 20 хозяйств, продали имущество 8 и привлекли к судебной ответственности по 61 и 107 ст. УК РСФСР 4 кулаков. При этом были сняты с должностей 3, отданы под суд 16 районных работников и столько же председателей и членов сельсоветов. Роспуску подверглось бюро Каратузского райкома ВКП(б), снятию – все руководство района⁹.

Осенью 1929 г. кое-где и кулаки перешли к активным действиям. Ночью в одной из деревень сожгли хлеб, принадлежавший активистам. Проводившаяся в Минусинском округе «неделя коллективизации» была встречена воззванием следующего содержания: «Товарищи крестьяне, не торопитесь сдавать хлеб, не молотите его, не держите на руках деньги, продавайте облигации, держитесь за хлеб, долой коммуну, да здравствуют красные партизаны»¹⁰.

Начавшаяся массовая коллективизация еще более расколола крестьянство. Среди бедняков распространялись иждивенческие настроения, которые сменялись озлобленностью, адресуемой соседям. 7 февраля 1930 г. в с. Нижний Кужебар Каратузского района состоялось бедняцко-батрацкое собрание, которое вынесло решение выселить из Минусинского округа всех кулаков. Приступая к коллективизации и раскулачиванию, власть опиралась на выходцев из бедняцкой среды, которые проводили выселение, а затем пьянствовали с кулаками, или на уполномоченных, угрожавших крестьянам поголовным зачислением в кулаки¹¹. Относя крестьян в категорию кулаков механически, такие лица за 2–3 часа «окулачивали» 30–59 хозяйств. Так, в с. Субботино Ермаковского района за один день согнали скот из 55 хозяйств в общий двор, свалили в кучу сельскохозяйственный инвентарь и домашние вещи без учета. В результате лошади, оставшиеся без присмотра, покалечили друг друга. И в других селениях у «кулацких» семей изымалось имущество вплоть до бытовых мелочей.

Многие середняки заплатились по личным счетам. В феврале 1930 г. в 10 селах Каратузского района, намеченных к сплошной коллективизации, были привлечены в качестве кулаков и осуждены 98 человек, из них 15 обвинялись по искам батраков и были оштрафованы. За агитацию против коллективизации аресту подверглись еще 47 кулаков, а дела на 29 крестьян поступили в окружной отдел ОГПУ. В связи с репрессиями из сел этого района бежали 24 человека. К маю 1930 г. в Ермаковском районе раскулачили 850 хозяйств, из них 280 при проверке оказались середнячками¹².

Между тем крестьяне в открытую говорили о пагубности такого подхода к коллективизации. К примеру, во время судебного процесса над кулаками жители одной из деревень называли их тружениками. Уполномоченному, проводившему собрание по коллективизации, от бедноты было заявлено: «Вы сбились с ленинского пути. Ленин говорил, что в колхозы в первую очередь должны пойти коммунисты, построить их, показать крестьянам на практике их выгоду»¹³. Выступая на заседании Сагайского сельсовета, один из коммунистов осудил решение о выселении кулаков. Организация Уджейской коммуны в Каратузском районе бывшими красноармейцами, которые оставили хлеб несжатым, вызвала сильное недовольство даже у бедняков и батраков.

Выселение кулаков, например в с. Моторском, проходило при сборе всех жителей, которые давали им хлеб и деньги. Некоторые выселяемые, озлобившись на власть, угрожали ее представителям: «Мы и уполномоченному, и всем, кто был на собрании и голосовал за наше выселение найдем место». В другом селении кулаки предупреждали активиста: «Мало тебя порол Колчак, будешь за коллективизацию – уьем!»¹⁴. Случалось, угрозы переходили в избиения колхозников и саботирование решений властей. Сельские исполнители по дороге на ст. Абакан разрешали кулакам заезжать к

родственникам в села, где они пьянствовали, а затем опаздывали к комплектованию эшелона¹⁵.

Ситуация в Ермаковском районе осложнялась еще и вселением туда кулаков из Бейского района, которые, не желая осваивать земли и строить жилье на отведенном им участке, обрели пристанище в д. Вознесенке. Здесь они, как считали власти, «разлагали население». По воспоминаниям коммуниста И.А. Быковникова, весной 1930 г. в районе стали распространяться листовки, авторы которых требовали установления советской власти без колхозов и коммунистов. В деревнях частыми стали нелегальные собрания и побеги крестьян в тайгу¹⁶. В январе–феврале 1930 г. от раскулачивания в тайге скрылись А.А. и С.С. Худоноговы, А.В. Вяткин, А.П. Савин, А.А. Коваленко и др. С приходом весны беглецы начали группироваться. Так, к примеру, в Ермаковском районе жители деревень Разъезжее и Ново-Троицкое объединились вокруг авторитетного среди них А.Г. Гарбина, в прошлом кавалера Георгиевского креста всех степеней и вахмистра Белой армии. К лету того же года брожение, имевшее место среди крестьянства, видимо, завершилось созданием групп. Сложившись в д. Григорьевке, с. Салба Ермаковского района, д. Ново-Рождественской, Киндырлыке, с. Моторском, Среднем Кужебаре и Сагайском Каратузского района, они якобы были связаны между собой. В июне 1930 г. Заплавский, по свидетельству чекистов, установил связь с бывшим подпоручиком или поручиком и будущим вожаком ермаковских повстанцев И.П. Мишиным.

Некоторые ячейки отличались активностью еще накануне выступления. В феврале 1930 г. григорьевские крестьяне приложили все усилия, чтобы не дать коммунистам и колхозникам возможности быть избранными в сельсовет, в апреле сорвали заготовку продуктов, заставили бедноту и комячейку приступить к пересмотру списка «лишенцев», а также сожгли кулацкий дом, отведенный для нужд коммуны. Более того, в с. Каптырево Ермаковского района бедняк, натравленный кулаками, застрелил «Мишку-культурника» – организатора колхоза М. Краева¹⁷.

Собравшись 23 июня 1930 г. на заимке, заговорщики создали штаб «Первого Минусинского повстанческого полка» в составе членов Худоногова, Вяткина и начальника, бывшего подпоручика и колхозного счетовода С.А. Москвина. Они установили дату выступления и разработали план действий. В соответствии с ним Каратузская группа должна была захватить телеграф, районные советско-партийные учреждения, Сагайская – прервать телеграфно-телефонное сообщение Каратуза с Минусинском, Ново-Рождественская – совершить нападение на коммуну «Друг бедняка», а Среднекужебарская – пригнать лодки для переброски повстанцев через р. Амыл. Одновременно выступив в разных селах, они надеялись, соединившись у райцентра, захватить его. В дальнейшем повстанцы, согласно показаниям А.А. Худоногова, якобы намеревались арестовать районных активистов и колхозников, назначить коменданта, земскую управу и создать штаб повстанческой армии¹⁸.

28 июня 1930 г. 11–13 повстанцев, возглавляемые Москвиным и Вяткиным, заняли с. Нижний Кужебар, где ударили в набат. На их сторону перешли местные жители и руководство сельсовета, преобразованного тут же в земскую управу. Повстанцы арестовали 22 активиста, колхозника и находившегося в селе представителя совхоза. Приказами, подписанными Москвиным, были объявлены мобилизация населения и сбор огнестрельного оружия с боеприпасами. Крестьяне на сходе, выслушав сообщение повстанческого командира о цели выступления, одобрили мобилизацию. В результате численность повстанцев увеличилась до 100 человек. Однако вследствие их слабой вооруженности ядро отряда составили лишь 29 человек¹⁹.

На следующий день повстанцы во главе с бывшим красным командиром и орденосцем А.И. Донских, Москвиным и Вяткиным заняли с. Средний Кужебар. Здесь они арестовали уполномоченного РИК, учительницу, приказчика общества потребителей и при попытке к бегству убили председателя маслоартели и секретаря комсомольской ячейки С.И. Калинина. Священник А.А. Соколовский по случаю занятия повстанцами села отслужил молебен. В воззвании к населению их руководство объявило о немед-

ленной ликвидации колхозов, возвращении кулакам имущества и необходимости поддержки «освободительного движения». К повстанцам примкнули 18 жителей села, из которых были назначены комендант и земская управа²⁰. В то же время Сагайская группа, спилив столбы, прервала телеграфно-телефонную связь Каратуза с Минусинском. Узнав о восстании и будучи отрезанными от окружного центра, каратузские власти какое-то время, видимо, находились в прострации. Для выяснения обстановки в с. Нижний Кужебар из милиции отправили инспекторов, но на подходе к селу одного из них убили.

30 июня 1930 г. состоялось заседание бюро Минусинского окружкома ВКП(б), на котором сообщалось о происшедшем в Каратузском районе. Для осуществления массовой работы среди крестьян бюро решило направить в район специальную бригаду из коммунистов, отделу ОГПУ поручалось, изъяв оружие, ликвидировать «банды», а И.А. Гольдбергу, избранному секретарем окружкома, – дать директиву районным органам власти. Они должны были мобилизовать сторонников советской власти на уничтожение бандитизма и устранить руководство сельсоветов, поддержавших выступление. Направленное от имени Минусинского окрисполкома, окружного административного отдела (ОАО) и ОГПУ обращение к повстанцам – «труженикам» и «трудовым крестьянам», гарантировавшим им «право на мирный труд и жизнь», заключало требование выдачи главарей и сдачи оружия через 12 часов после вручения обращения. Позднее эту меру Минусинский окружком ВКП(б) признал «грубой ошибкой»²¹.

29 июня 1930 г. к с. Нижний Кужебар был переброшен отряд из 30 милиционеров во главе с начальниками Минусинского ОАО Г.В. Душиным, окружного уголовного розыска (УР) Ф.Я. Передерия и уполномоченным окружного отдела ОГПУ Путинцевым. При известии об этом часть повстанцев разошлась по домам. Подъехавших к паромной переправе милиционеров встретили ружейной стрельбой лишь 30 человек, но и они с наступлением темноты разбежались²². Около часа длилась перестрелка и на подходах к с. Средний Кужебар. Вошедшие в село милиционеры освободили членов районной комиссии, занимавшихся здесь контрактацией скота. 2 июля при занятии с. Верхний Кужебар по ошибке погиб милиционер. Бежав из села и сбрав вокруг себя около 10 человек, Москвин, Коваленко, Савин и Худоговы отправились за рекомендациями к Заплавскому. 4 июля на его заимке некоторые из них были арестованы. Сам же Заплавский от милиционеров сумел бежать. Несмотря на скоротечность событий, повстанцы арестовали 29 уполномоченных, активистов и колхозников. В это время погибли от трех до пяти представителей власти, двое «бандитов», были ранены трое и задержаны, по разным данным, от 19 до 26 повстанцев. Для вылавливания остальных в районе действовал специально сформированный отряд милиции²³.

Состоявшееся следом 5 июля 1930 г. заседание бюро Минусинского окружкома ВКП(б), констатировав сложившееся тяжелое продовольственное положение крестьян, распорядилось выдать нуждавшимся 3 тыс. пудов хлеба. Итоги событий в Каратузском районе 8 июля того же года обсуждались и на заседании окружного партийного руководства, которое сочло, что «кулацкое выступление... ставило политические цели», но не было поддержано бедняцко-средняцкими массами. В то же время члены бюро критически оценили деятельность сторонников советской власти. В частности, они отметили отсутствие среди населения массовой разъяснительной работы коммунистов, присущую им растерянность, не позволившую организовать бедноту и колхозников, а затем и начавшуюся подмену партийцами следственных органов. Назвав действия ОГПУ, отрядов милиции «правильными», бюро рекомендовало окрисполкому переизбрать советы мятежных сел, решило заслушать и обсудить отчеты колхозных правлений, используя собрания жителей для улучшения взаимоотношений между колхозниками и единоличниками. Было решено также организовать военное обучение коммунистов, а кооперативным организациям указано улучшить снабжение населения пограничных и подтаежных сел²⁴.

Выступление каратузских крестьян обсуждалось и на общегородском партийном собрании, состоявшемся в Минусинске 10 июля 1930 г. Коммунисты заслушали информацию непосредственных участников событий, подвергших районные власти еще

большой критике. По их мнению, местное партийное руководство находилось в стороне от хозяйственных дел, не проводило «военизацию» и культмассовую работу на селе, не подготовленное к таким событиям подверглось панике. В то же время, свидетельствами они, написанное райкомом партии от имени окружных органов и отправленное повстанцам письмо «ликвидировало восстание на 80%». Узнав о его содержании, беднота и середнячество якобы перестали поддерживать «черных партизан». Лишь в семи селениях района сельсоветы заменили земствами. Собрание констатировало, что каратузские события являются для партийных организаций знаковыми: они свидетельствовали и предупреждали коммунистов о потере связи с массами²⁵. Однако этот вывод оказался запоздалым и недейственным.

В августе 1930 г. в соседнем районе возник новый очаг крестьянского повстанчества. Судя по информации, заключенной в чекистском деле, волнения в Ермаковском районе начались с крестьянского собрания в д. Саяновке. Его участники, якобы согласные с программными установками «Союза», договорились о совместном выступлении. Задачи, которые ставили перед собой будущие ермаковские повстанцы, носили сугубо локальный характер: более 40 крестьянских представителей, собравшись на заимке на новый сход, решили захватить совхозный хутор, д. Григорьевку, села Салбу и Ермаковское, прервать связь райцентра с Минусинском и уничтожить сельсоветы.

В ночь на 12 августа 1930 г. 26 повстанцев под командованием Мишина и Мусихина, окружив хутор Ермаковского совхоза, начали его обстреливать. Когда же рабочие разбежались, они захватили лошадей, оружие, боеприпасы и продукты. В ту же ночь несколько повстанческих групп одновременно напали на д. Григорьевку, где разгромили местную коммуну. При этом один колхозник был убит, а другой получил ранение. Прервав телефонную связь с Минусинском и Ермаковским и ранив почтальона, повстанцы в самой деревне разграбили почту, сожгли документы сельсовета, разгромили избу-читальню и клуб. Наутро они арестовали партийцев, провели митинг, на котором Мишин сообщил населению о целях выступления. Сразу же к повстанцам примкнули 69 жителей, в том числе 15 кулаков, 42 середняка, 12 бедняков и колхозников, а с объявлением мобилизации численность григорьевцев, ставших «черными партизанами», увеличилась до 100 человек.

12–13 августа повстанцы заняли селения Верхний Кебеж, Черная Речка и Саяновка. В с. Салба они убили милиционера, ранили директора льнопеньковского завода и одного из колхозников, разгромили сельсовет и разграбили магазин общества потребителей. Захватив д. Листвянку, группа повстанцев разоружила коммунаров. Отряд Мусихина–Кузнецова, войдя в ряд деревень, подверг погрому сельсоветы, товарищества и лавки кооперации. Однако, когда утром 14 августа повстанцы ворвались в д. Нижняя Буланка, где председатель коммуны Быковников собрал вокруг себя 18 ее членов, то встретили сопротивление. В схватке был ранен Мусихин, но и самого вожака коммунаров повстанцы жестоко изувечили. Озлобившись, они расстреляли одного из жителей и ликвидировали общественные учреждения. В некоторых пунктах население, действуя соответственно с рекомендациями повстанческих эмиссаров, взамен распущенных сельсоветов создавало комитеты самообороны, опиравшиеся на группы вооруженных крестьян.

Повстанческое движение было всекрестьянским. К примеру, в Верхнем Кебеже к нему примкнули 35 жителей, из которых лишь один являлся кулаком, а 19 – середняками, 10 – бедняками, двое – батраками и трое – колхозниками. Бывший батрак Ершков организовал в д. Черная Речка отряд из шести бедняков. Захватив Салбу, повстанцыполнили свои ряды 12 кулаками, 69 середняками и 8 бедняками, а в целом численность их увеличилась до 225 человек. Штаб, созданный во главе с Мишиным, сформировал из них две роты и кавалерийский взвод. Однако лишь 26 повстанцев были вооружены винтовками, большинство же – охотничьими ружьями. К тому же их руководство не хотело проводить широких наступательных действий. Так, оно не вняло советам некоего бывшего адвоката Д.М. Строганова немедленно наступать на райцентр, где в это время

царила паника. Действуя небольшими отрядами и без плана, повстанцы предпочитали, расширяя зону своего присутствия, упрочивать позиции на местной периферии²⁶.

Первые меры властей по подавлению повстанчества не увенчались успехом. Группа деревенских коммунистов, столкнувшись с вооруженными крестьянами, отступила. Предпринятое 13 августа наступление отряда из 18 бойцов на д. Саяновку повстанцы отбили. Но и их попытка загнать милиционеров в болото не увенчалась успехом. При этом был убит оперуполномоченный Минусинского сектора ОГПУ П.И. Соцков. На следующий день Мишин и Везелев вывели «черных партизан» из Саблы, сосредоточив их на горах и в засаде. 14 августа отряд милиции, насчитывавший уже 30 человек и вооруженный пулеметом системы «Кольт», без боя занял Салбу и после перестрелки на Усинском тракте заставил повстанцев разбежаться. Вторично бой начался при приближении этого отряда к д. Саяновке. Здесь «черные партизаны» убили милиционера Талевина, а у д. Григорьевки они расстреляли комсомольца А.В. Мочалина. 15 августа повстанцы, разбегаясь, стали сдаваться.

В тот же день состоялось закрытое заседание Минусинского окружкома ВКП(б), обсудившее положение дел в Ермаковском районе. Каратузскому, Курагинскому и Ермаковскому райкомам партии были направлены инструктивные письма. Потеряв 5 убитыми и столько же ранеными, власти для окончательного подавления восстания перебросили из Каратуза в Ермаковский район конный отряд ОГПУ численностью в 50 бойцов, около сотни бывших красных партизан и демобилизованных красноармейцев. Из Новосибирска прибыли бойцы кавалерийского эскадрона войск ОГПУ. В ходе зачистки территории многие «черные партизаны» были арестованы, а прочих преследовали в тайге²⁷.

Волнения в Каратузском и Ермаковском районах, охватившие до 900 человек, не могли увенчаться успехом. Трагический исход для «черных партизан» был предопределен территориальной ограниченностью, разрозненностью, стихийностью их выступления, а более того, его характером, типичным для таких явлений. Как и повсюду, сопротивление деревни государственному насилию здесь было яростным выпадом отчаявшихся крестьян против местной власти, совершенным на эмоциональной основе и в общности людей, терпеливо несущих свой крест. При подготовке выступления население некоторых деревень высказывалось за свое участие в нем, а затем на него не решалось. Или же оно выступало, но уже в то время, когда основные силы повстанцев рассеивались по лесам. Многие крестьяне не поддержали выступления «черных партизан», ограничившись созданием отрядов самообороны. Повстанцы быстро подвергались панике и разбежались при малейшей опасности для своей жизни.

Одним из итогов повстанчества стали начавшиеся в деревне бесчинства советских отрядов. Однако крестьянское сопротивление, по мнению историков, не позволило реализоваться крайним формам тоталитаризма²⁸. Насчитывая полторы сотни человек, «банда» Мишина вплоть до зимы 1930/31 г. таила угрозу для властей, нападая на советско-колхозных активистов. Само существование повстанческих групп в тайге служило сдерживающим фактором в поведении колхозников и бедноты. Крестьяне, обиженные режимом и ободренные примером повстанцев, всегда могли найти у них защиту. Но постепенно остатки повстанчества ликвидировали. Так, 1 января 1931 г. у д. Григорьевки заметили 6 беглецов во главе с Рыловым и Мусихиным. Для их поимки или ликвидации были направлены 15 милиционеров во главе с начальником районного управления милиции П.С. Казаковым. В бою погибли все «черные партизаны», а также двое милиционеров²⁹.

Крестьянские выступления оказались не в состоянии изменить отношение власти к деревне. Напротив, государство усилило налоговый пресс на крестьянство: если в 1929 г. план хлебозаготовок, например, для Каратузского района составлял 360 тыс. пудов, то в 1930 г. – 525.3 тыс. Колхозы же, объединявшие лишь 15% всех хозяйств этого района, в большинстве своем не имели даже зачатков организации и специализации хозяйствования. Уборка и обмолот хлеба в ряде из них были сорваны. Другие же, выполняя план хлебозаготовок, сдали весь имевшийся хлеб и тем самым обрекли

население на полуголодное существование. Несмотря на аресты односельчан, некоторые из крестьян перешли к скрытым формам саботажа. Поэтому на 15 ноября 1930 г. хлебозаготовительные задания были выполнены мятежными районами лишь наполовину³⁰. Крестьяне пассивно относились к выполнению и других государственных заданий. Нескошенными оставались сенокосные угодья. Обязательные платежи в счет налога у кулачества не были собраны. Кредиты, отпущенные для контрактации скота, расхищались. При том, что согнанный скот от холодов и бескормицы погибал, в некоторых хозяйствах в результате этой кампании бедняки лишились даже молодняка. Ни по одному виду животных план контрактации не был выполнен³¹.

Пережившие страх и растерянность районные управленцы, разъезжая по деревням в нетрезвом состоянии и угрожая расстрелом, требовали выполнения плана хлебозаготовок в кратчайшие сроки. Большинство сельсоветов было склонно проводить хлебозаготовки административным путем, облагая «твердыми» заданиями даже середняков и бедняков. К «саботажникам» применялись аресты и показательные судебные процессы. В Каратузском районе объектом повышенного обложения сделали 164 кулацкие семьи, оставленные здесь после высылки домохозяев. Но состояние хозяйств не позволяло им выполнить налоговые задания. Тогда к ним применили двухкратное обложение, а следом и распродажу остатков имущества. Здесь же «раскулачивались» и середняки³².

Паралич, охвативший отдельных представителей власти, и их свирепое отношение к крестьянству были порождены не только директивами сверху. Как свидетельствуют документы, жизнь районного начальства протекала в атмосфере всеобщего пьянства, катания на лошадях в нетрезвом состоянии, доходило даже до затапывания детей, половой распущенности, суицидных настроений, семейственности, круговой поруки, злоупотреблений служебным положением и зажима критики. При новом районировании Сибири и ликвидации Минусинского округа на работу в Каратузский район была переброшена группа окружных ответработников. Председателем райисполкома избрали А.Г. Дилева, и ранее отличавшегося склонностью к уголовщине, пьянству и безобразиям. К сентябрю 1930 г. райком ВКП(б) пополнился 8 новыми членами, а его секретарем стал Воеводин, метко прозванный каратузцами «приехавшим куражливый урядником». Соучастниками их возлияний и дискредитации власти стало буквально все районное руководство. В то время, когда батрачеству и учителям в райцентре отказывали в получении продуктов, к председателю райпо от районного начальства за 2 месяца поступили 149 записок частного характера с требованием их отпустить. В сентябре заявители по ним получили 120 бутылок вина, а в октябре 30 ответственных работников – 523 кг экспортного масла, яйца и сахар. 28 октября районная партийная конференция переизбрала Воевину, а 8 ноября был снят с работы и Дилев. На прощальной пирушке Дилев застрелил Воевину. Это преступление взволновало население и заставило власти исключить из партии и привлечь к суду 17 каратузских ответработников. За 1 год в Каратузе сменились 3 ответственных секретаря райкома партии, столько же его заместителей, 6 председателей РИК и др.³³

Репрессии, направленные против крестьян, способствовали тому, что определенная часть их стала проявлять лояльность к советской власти. Так, после ликвидации выступления «черных партизан» больше стало крестьян, вступающих в колхозы и ВКП(б). Кое-где бедняцкие собрания призывали органы принять «решительные меры к шайке гадов». По делу «черных партизан» обвинили 340 человек, из них виновными себя признали 49 каратузских и 115 ермаковских крестьян. Согласно обвинительному заключению минусинских чекистов, повстанческие дела были направлены на рассмотрение Особой тройки при Полномочном представительстве ОГПУ по Западно-Сибирскому краю. 11–18 декабря 1930 г. она приговорила 75 обвиняемых к расстрелу, 35 – к 10, 39 – к 5 и 14 – к 3 годам заключения в лагерях. Еще 170 человек лишили свободы условно. 30 декабря того же года в Минусинске были расстреляны 65 «черных партизан», еще двое – в январе 1931 г.³⁴

Вероятно, рассмотренные выше события только по внешним признакам и по мнению властей имели политическую окраску. По своей глубинной сути это был вызван-

ный государственным насилием типичный крестьянский бунт с характерными для него слабой организованностью, отсутствием реально достижимых политических целей и быстрым, трагическим концом. В отличие от вооруженного сопротивления крестьян коммунистическому режиму начала 1920-х гг., которое даже потерпев поражение все же заставило большевистскую партию изменить политический курс, борьба «черных партизан» против коллективизации таких последствий не имела.

Примечания

- ¹ См., например: *Гущин Н.Я., Ильиных В.А.* Классовая борьба в сибирской деревне. 1920-е – середина 1930-х гг. Новосибирск, 1987; *Бугаев Д.А., Жалимов Л.С.* На службе милицейской. Кн. 2. 1925–1930 гг. Ч. 1. Красноярск, 1995; *Борзенко Л.Н.* Крестьянское восстание в Каратузском районе в июне – июле 1930 г. // *Мартыановские краеведческие чтения* (1989–1999 гг.). Минусинск, 1999. С. 129–132; *Бушуев В.М.* Грани. Чекисты Красноярья от ВЧК до ФСБ. Красноярск, 2000.
- ² Муниципальное учреждение архив г. Минусинска (далее – МУА ГМ), ф. 369, оп. 1, д. 55, л. 65, 67, 74, 100.
- ³ Архив Регионального управления ФСБ России по Красноярскому краю (далее – АРУ ФСБ), д. 019765, т. XI, л. 3, 8, 11, 12.
- ⁴ Там же, т. I–II, л. 126–127; т. V, л. 893–894, 897, 901–902.
- ⁵ Центр хранения и изучения документов новейшей истории Красноярского края (далее – ЦХИДНИ КК), ф. 60, оп. 1, д. 612, л. 136; д. 873, л. 33.
- ⁶ Там же, д. 1019, л. 85; Государственный архив Новосибирской области (далее – ГА НО), ф.р.-047, оп. 1, д. 618, л. 28.
- ⁷ ЦХИДНИ КК, ф. 60, оп. 1, д. 873, л. 136; д. 873, л. 33; ГА НО, ф.р.-47, оп. 1, д. 618, л. 56.
- ⁸ ЦХИДНИ КК, ф. 60, оп. 1, д. 873, л. 30, 33, 55; д. 1019, л. 70.
- ⁹ Там же, д. 873, л. 63; д. 1019, л. 73, 161.
- ¹⁰ Там же, д. 1019, л. 81, 125–126.
- ¹¹ Там же, д. 873, л. 1, 7, 10.
- ¹² Там же, д. 1012, л. 14; д. 1019, л. 188; ГА НО, ф.р.-47, оп. 5, д. 114, л. 101; *Борзенко Л.Н.* Указ. соч. С. 130–131.
- ¹³ ЦХИДНИ КК, ф. 60, оп. 1, д. 873, л. 1.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ Там же, л. 7–8.
- ¹⁶ Там же, д. 867, л. 1; *Борзенко Л.Н.* Указ. соч. С. 131.
- ¹⁷ АРУ ФСБ, д. 019765, т. XI, л. 5, 7–8; МУА ГМ, ф. 369, оп. 1, д. 55, л. 66.
- ¹⁸ АРУ ФСБ, д. 019765, т. XI, л. 15; МУА ГМ, ф. 369, оп. 1, д. 55, л. 74.
- ¹⁹ МУА ГМ, ф. 369, оп. 1, д. 55, л. 67, 74; АРУ ФСБ, д. 019765, т. XI, л. 17–18; ГА НО, ф. п.-3, оп. 3, д. 168, л. 1.
- ²⁰ АРУ ФСБ, д. 019765, т. XI, л. 20–21.
- ²¹ Там же, л. 18–20; МУА ГМ, ф. 369, оп. 1, д. 55, л. 65; ЦХИДНИ КК, ф. 60, оп. 1, д. 1013, л. 24, 27.
- ²² АРУ ФСБ, д. 019765, т. XI, л. 22–23; МУА ГМ, ф. 369, оп. 1, д. 55, л. 65.
- ²³ АРУ ФСБ, д. 019765, т. XI, л. 23; МУА ГМ, ф. 369, оп. 1, д. 55, л. 74; ГА НО, ф. п.-3, оп. 3, д. 107, л. 42–43; *Гущин Н.Я., Ильиных В.А.* Указ. соч. С. 235.
- ²⁴ ЦХИДНИ КК, ф. 60, оп. 1, д. 1013, л. 25, 27.
- ²⁵ Там же, д. 1012, л. 461.
- ²⁶ АРУ ФСБ, д. 019765, т. XI, л. 26, 28, 30, 33, 35–36, 39–40.
- ²⁷ ГА НО, ф. п.-3, оп. 3, д. 168, л. 1; АРУ ФСБ, д. 019765, т. XI, л. 41–43, 365, 380.
- ²⁸ *Кузнецов И.С.* На пути к «великому перелому». Люди и нравы сибирской деревни 1920-х гг. (психонсторические очерки). Новосибирск, 2001. С. 227.
- ²⁹ ГА НО, ф. р.-47, оп. 1, д. 999, л. 65, 68.
- ³⁰ Там же, ф. п.-3, оп. 3, д. 107, л. 51; д. 168, л. 1, 39, 42; ф. р.-47, оп. 5, д. 111, л. 121, 127.
- ³¹ Там же, ф. р.-47, оп. 5, д. 97, л. 176; д. 115, л. 28; ф. п.-3, оп. 3, д. 168, л. 43.
- ³² Там же, ф. п.-3, оп. 3, д. 107, л. 51; д. 168, л. 40–41; ф. р.-47, оп. 5, д. 111, л. 141; д. 115, л. 28.
- ³³ Там же, ф. п.-3, оп. 3, д. 168, л. 46, 49–51; ф. р.-47, оп. 5, д. 111, л. 117, 127.
- ³⁴ АРУ ФСБ, т. XI, л. 46, 49, 112–114, 116, 123, 132, 142.